

ЗАСТОЛЬНОЕ СЛОВО О ПУШКИНЕ

**Александр Николаевич
ОСТРОВСКИЙ**
(1823–1886)

Памятник Пушкину поставлен: память великого народного поэта увековечена, заслуги его засвидетельствованы. Все обрадованы. Мы видели вчера восторг публики; так радуются только тогда, когда заслугам отдаётся должное, когда справедливость торжествует. О радости литераторов говорить едва ли нужно. От полноты обрадованной души я позволю себе сказать несколько слов о нашем великом поэте, его значении и заслугах, как я их понимаю. Строгой последовательности и сильных доводов я обещать не могу; я буду говорить не как человек учёный, а как человек убеждённый. Мои убеждения слагались не для обнародования, а только про себя, так сказать для собственного употребления; при мне бы они и остались, если б не подошёл этот радостный праздник. На этом празднике каждый литератор обязан быть оратором, обязан громко благодарить поэта за те сокровища, которые он завещал нам.

Сокровища, дарованные нам Пушкиным, действительно велики и неоценённые. Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть. Кроме наслаждения, кроме форм для выражения мыслей и чувств, поэт даёт и самые формулы мыслей и чувств. Богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. Высшая творческая натура влечёт и подравнивает к себе всех. Поэт ведёт за собой публику в незнакомую ей страну изящного, в какой-то рай, в тонкой и благоуханной атмосфере которого возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства. Отчего с таким нетерпением ждётся каждое новое произведение от великого поэта? Оттого, что всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вместе с ним; всякий ждёт, что вот он скажет мне что-то прекрасное, новое, чего нет у меня, чего недостаёт мне; но он скажет, и это сейчас

же делается моим. Вот отчего и любовь, и поклонение великим поэтам; вот отчего и великая скорбь при их утрате; образуется пустота, умственное сиротство: не кем думать, не кем чувствовать.

Но легко сознать чувство удовольствия и восторга от изящного произведения; а подметить и проследить своё умственное обогащение от того же произведения — довольно трудно. Всякий говорит, что ему то или другое произведение нравится; но редкий сознаёт и признаётся, что он поумнел от него. Многие полагают, что поэты и художники не дают ничего нового, что всё, ими созданное, было и прежде где-то, у кого-то, — но оставалось под спудом, потому что не находило выражения. Это неправда. Ошибка происходит от того, что все вообще великие научные, художественные и нравственные истины очень просты и легко усваиваются. Но как они ни просты, всё-таки предлагаются только творческими умами, а обыкновенными умами только усваиваются, и то не вдруг и не во всей полноте, а по мере сил каждого.

Пушкиным восхищались и умнели, восхищаются и умнеют. Наша литература обязана ему своим умственным ростом. И этот рост был так велик, так быстр, что историческая последовательность в развитии литературы и общественного вкуса была как будто разрушена и связь с прошедшим разорвана. Этот прыжок был не так заметен при жизни Пушкина; современники хотя и считали его великим поэтом, считали своим учителем, но настоящими учителями их были люди предшествовавшего поколения, с которыми они были очень крепко связаны чувством безграничного уважения и благодарности. Как ни любили они Пушкина, но всё-таки, в сравнении с старшими писателями, он казался им ещё молод и не довольно солиден; признать его одного виновником быстрого поступательного движения русской литературы значило для них обидеть солидных и во многих отношениях действительно весьма почтенных людей. Всё это понятно и иначе не могло быть. Зато следующее поколение, воспитанное исключительно Пушкиным, когда сознательно оглянулось назад, увидало, что предшественники его и многие его современники для них уж даже не прошедшее, а далёкое давнопрошедшее. Вот когда заметно стало, что русская литература в одном человеке выросла на целое столетие. Пушкин застал русскую литературу в период её молодости, когда она ещё жила чужими образцами и по ним вырабатывала формы, лишённые живого, реального содержания, — и что же? Его произведения — уж не исторические оды, не плоды досуга, уединения или меланхолии; он кончил тем, что оставил сам образцы, равные образцам литератур зрелых, образцы, совершенные по форме и по самобытному, чисто народному содержанию. Он дал серьёзность, поднял тон и значение литературы, воспитал вкус в публике, завоевал её и подготовил для будущих литераторов, читателей и ценителей.

Другое благодеяние, оказанное нам Пушкиным, по моему мнению, ещё важнее и ещё значительнее. До Пушкина у нас литература была подражательная, — вместе с формами она принимала от Европы и разные, исторически сложившиеся там направления, которые в нашей жизни корней не имели, но могли приняться, как принялось и укоренилось мно-

гое пересаженное. Отношения писателей к действительности не были непосредственными, искренними; писатели должны были избирать какой-нибудь условный угол зрения. Каждый из них, вместо того, чтоб быть самим собой, должен был настроиться на какой-нибудь лад. Тогда ещё проповедывалась самая беззастенчивая риторика; твёрдо стоял и грозно озирался ложный классицизм; на смену ему шёл романтизм, но не свой, не самобытный, а наскоро пересаженный с оттенком чуждой нам сентиментальности; не сошла ещё со сцены никому не нужная пастораль. Вне этих условных направлений поэзия не признавалась, самобытность сочлась бы или невежеством, или вольнодумством. Высвобождение мысли из-под гнета условных приёмов — дело не лёгкое, оно требует громадных сил. Разве мы не видим примеров, что в самых богатых и в самых сильных литературах и по сей час высокопарное направление имеет представителей и горячо отстаивается, а реальность пропагандируется как что-то новое, небывалое.

Прочное начало освобождению нашей мысли положено Пушкиным — он первый стал относиться к темам своих произведений прямо, непосредственно, он захотел быть оригинальным и был — был самим собой. Всякий великий писатель оставляет за собой школу, оставляет последователей, и Пушкин оставил школу и последователей. Что он дал своим последователям? Он завещал им искренность, самобытность, он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским. Ведь это только легко сказать! Ведь это значит, что он, Пушкин, раскрыл русскую душу. Конечно, для последователей путь его труден: не всякая оригинальность настолько интересна, чтоб ей показываться и ею занимать. Но зато если литература наша проигрывает в количестве, так выигрывает в качественном отношении. Немного наших произведений идёт на оценку Европы, но и в этом немногом оригинальность русской наблюдательности, самобытный склад мысли уже замечены и оценены по достоинству. Теперь нам остаётся только желать, чтобы Россия производила поболее талантов, пожелать русскому уму поболее развития и простора; а путь, по которому идти талантам, указан нашим великим поэтом.

Я предлагаю тост за русскую литературу, которая пошла и идёт по пути, указанному Пушкиным. Выпьем весело за вечное искусство, за литературную семью Пушкина, за русских литераторов! Мы выпьем очень весело этот тост: нынче на нашей улице праздник.